

К ПОЛЬСКОЙ ТЕМЕ У ХОМЯКОВА

РОМАН ЛЕЙБОВ, АЛЕКСАНДР ОСПОВАТ

1. Текст, о котором пойдет речь, имеет весьма любопытную эдиционную историю. Она началась 30 декабря 1830 г., когда в Санкт-Петербургский цензурный комитет была представлена рукопись, намеченная для публикации в газете «Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду»:

«Прошу вас поляков не ненавидеть»
(Незабвенныя слова возлюбленнаго нашего Монарха).

Внимайте! Голос истребленья!
За громом гром, за криком крик!
То звуки дальнего сраженья;
К ним слух воинственный привык.
Вот ружей звонкие раскаты;
Вот пешей рати мерный шаг;
Вот натиск конницы крылатой;
Вот пушек рев на высотах;
И крик торжеств, мне крик знакомый,
И смерти стон, мне плач родной.
О замолчите, битвы грома!
Остановись, кровавый бой.

Потомства пламенным проклятьям

Да будет предан тот, чей глас
Против славян славянским братьям
Мечи вручил в преступный час.
Да будут прокляты сраженья,
Одноплеменников раздор
И перешедший в поколенья
Вражды бессмысленной позор.
Да будут прокляты преданья,
Веков исчезнувших обман,
И повесть мщенья и страданья,
Вина неисцелимых ран.

И взор поэта вдохновенный

Уж видит новый век чудес.
Он видит!.. Гордо над вселенной
До свода синего небес
Орлы славянские взлетают
Широким дерзостным крылом,
Но мощную главу склоняют
Пред старшим Северным Орлом.
Их тверд союз, горят перуны,
Закон их властен над землей
И будущих боянов струны
Поют согласие и покой.

На этой рукописи сохранились карандашные пометы: одна служила подписью — «А. Хомяков», вторая указывала на источник взятой в эпиграф фразы императора — «№ 144 Сев<ерной> Пч<елы>» [Егоркин, Шляпкин: 128–130].

Эпиграф стихотворения Хомякова отсылает к сцене, произошедшей 26 ноября 1830 г. в Михайловском манеже на разводе от третьего батальона л.-гв. Преображенского полка. Объявив офицерам о начавшемся в Варшаве восстании и предстоящем походе русской армии в Царство Польское, Николай I выразил уверенность в том, что

<...> вы, моя гвардия, пойдете наказать изменников и восстановить порядок и оскорбленную честь России.

Воинственный энтузиазм присутствующих достиг такого градуса, что государь счел нужным внести успокоительную ноту:

<...> должно карать зачинщиков мятежа, но не мстить народу, прощать раскаявшихся и не допускать ненависти [Шильдер: 322–324].

В передаче «Северной пчелы» (№ 144 от 2 декабря) — единственного отечественного издания, сообщившего информацию об этом эпизоде, — заключительная реплика императора приобрела такой вид:

Прошу вас, господа, Поляков не ненавидеть: они наши братья. В мятеже виновны немногие злонамеренные люди. Надеюсь, что с Божиею помощью все кончится к лучшему.

Понятно, что в преддверии военных действий против польских инсургентов Цензурный комитет не взял на себя ответственность решать вопрос о публикации сочинения, пафос которого отнюдь не отвечал господствовавшему в публике настроению «неумолимых русских патриотов», мечтавших, как засвидетельствовано в отчете III Отделения за 1830 год, о повторении «суворовской резни» в Варшаве [РПН: 70]. Дело пошло на самый верх, и личное распоряжение Николая I «*Не дозволять*» [Хомяков 1969: 552; коммент. Б. Ф. Егорова] отразилось в резолюции, вынесенной 23 января 1831 г.: «Стихотворение не разрешено, как относящееся к переменам в Царстве Польском» [Егоркин, Шляпкин: 129].

До сих пор считалось, что оригинальный текст этого стихотворения увидел свет только в 1861 г. (по смерти автора): сначала в Москве под заглавием «Ода» [Хомяков 1861: 30–31], затем в Лондоне под заглавием «1831» [РПЛ: 211–212] (в обоих случаях без эпиграфа). Однако на самом деле впервые — за подписью автора — оно напечатано в газете «Русский Инвалид, или Военные ведомости»¹ 17 сентября 1831 г. (№ 236. С. 914)². Помещенное в ряду оперативных откликов русской лиры на подавление восстания, стихотворение Хомякова лишилось эпиграфа и получило заглавие «На войну с Польшею». Именно по тексту газетной публикации был сделан немецкий перевод для тут же вышедшей брошюры “*Der Polen Aufstand und Warschau’s Fall 1831. In drei Gedichten von A. Puschkin, W. Shukowski und A. Chomjakow*” (St. Petersburg, in der Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 1831; цензурное разрешение 22 сентября)³. Здесь нелишне привести

¹ «Русский инвалид», как и «Литературные Прибавления к *Русскому Инвалиду*», издавался А. Ф. Воейковым.

² Точная библиографическая справка дана в воспоминаниях А. Д. Блудовой [РА 1875: I: 137], на что обратил в свое время внимание В. Ледницкий [Lednicki: 159, note 1].

³ В эту брошюру вошли также переводы пушкинской инвективы «Клеветникам России» и «Русской песни на взятие Варшавы» Жуковского.

перевод стихотворения Хомякова (выполненный, как и оба других, по-видимому А. Е. Вульффертом⁴) вместе с обратным переводом на русский:

Der Polenkrieg

Vernehmet der Zerstörung Stimme!
Kanonendonner, Feldgeschrei!
Es eilt der Krieg, im wilden Grimme,
Auf blutgetränkter Spur herbei.
Hört Ihr der Flinten grell Geschmetter,
Des Fussvolks Marsch, gemessnen Schritts,
Seht Ihr die Reuter nah'n im Wetter,
Und hoch das dröhnende Geschütz?
Aus Todesgrau'n erhebt des Sieges
Triumph ein kampfgeohnt Geschlecht!
Verstumme, Donnerruf des Krieges,
Halt ein, Du mörderisch Gefecht.
Des Fluches Flämme regne nieder
Auf des Verräthers finstres Grab,
Der Slaven gegen Slavenbrüder
Das erste Schwert der Zwietracht gab.
Verflucht sey dieses bittere Höhnen
Verwandter Stämme, diese Schmach,
Die sich vererbt der Nachwelt Söhnen
Bis auf des Weltgerichtes Tag.
Verflucht der Vorzeit dunkle Sage,
Die Enkeln Feindschaft Überträgt,
Und mit des Rachschwerts Völkerplage
Die niegeheilten Wunden schlägt. —
Allein des Sehers Auge weidet
Sich an den Wundern bessrer Zeit,
Wo Licht aus Finsterniss sich scheidet
Und schlichtet den verjährten Streit.
Der Slaven mächt'ge Adler steigen
Mit kühn gedehntem Flügelpaar

---

⁴ См. [Пушкин. Письма: 430; коммент. Л. Б. Модзалевского].

Empor, und ihre Häupter neigen
Sich vor des Nordens ältrem Aar.
Fest sey ihr Bund, ihr Stolz: der Friede,
Und das Gesetz: ihr Heiligthum;
Dann preist in schönern Bardenliede
Die Nachwelt edler Eintracht Ruhm.

A. Ch.

Польская война

Услышите глас уничтоженья!
Гром пушек, полевой крик!
Спешит сюда война в яром гневе,
По кровавому следу.
Вы слышите резкий треск кремней,
Марш пехоты, размеренный шаг,
Вы видите, как конники близятся в бурю,
Грозя воздетым оружием?
Из смертных областей победа
Поднимает род, привычный к войне.
Умолкни, громовой зов войны,
Остановись, убийственная схватка.
Пусть пламя проклятия прольется
На сумрачную могилу изменника,
Который первым дал в руки славянам
Меч раздора против братьев славян.
Да будет проклята эта горькая издевка
Родственных племен, этот позор,
Что наследуется потомством
До Страшного суда.
Да будут прокляты темные предания старины,
Передающие внукам вражду,
И мечом мести, бичом народов,
Поражающие незаживающие раны. —
Но глаз зрителя услаждается
Чудесами лучших времен,
Когда свет отделяется от тьмы
И усмиряет давнюю распрю.

Могучие славянские орлы воспаряют ввысь
Отважно простирая крылья,
И их головы склоняются
Перед старейшим орлом севера.

Пусть крепок будет ваш союз; ваша гордость — мир,
А закон — ваша святыня;
Тогда воспоет в прекраснейшей песне бардов
Потомство славу благородного согласия.

2. Кому бы ни принадлежало заглавие «Ода» (введенное в издании 1861 г. и утвердившееся в современной эдиционной практике), оно имеет под собой основание: топика, стилистика и интонационный рисунок этого стихотворения внятно отзываются витийственной поэзией. Вместе с тем очевидно, что интересующий нас текст активно участвует в том процессе «разложения» высокой лирики XVIII в., который Тютчев отнес к второй половине 1820-х – началу 1830-х гг. Одновременно с Тютчевым, деформирующим («фрагментизирующим») философскую оду, Хомяков ревизует логико-риторическую схему старой батальной оды.

Описывая в первой строфе «дальнее сраженье», которое читатель опознает как метонимию русско-польской войны, автор демонстративно выводит из текста не только оценочные дефиниции (в роде «кичливого ляха» и «верного росса» в «Клеветниках России») или маркированные местоимения («мы»/«наши» vs «вы»/«ваши»), но даже нейтральные этнонимы. Этот прием «минус-номинации» усилен заключительным восклицанием (*Остановись, кровавый бой*), не подразумевающим симпатию ни к одной из противоборствующих сторон.

Вторая строфа расширяет поле обзора за счет подключения темы давней внутриславянской распри — но в совершенно особом модусе. Субъект речи подвергает обструкции как собственно историю русско-польского конфликта, так и бесконечную *повесть мщенья и страданья*, т.е. всю мифологию взаимной ненависти, разработанную совместными усилиями *одноплеменников*. Травматизирующей памяти противопоставлено здесь целительное забвение.

Этот сознательный отказ от историзма (и в одическом, и в романтическом его изводах) подготавливает переход к утопической аллегории, рисующей будущий союз *орлов славянских*. Дело прежде всего идет о России и Польше, гербами которых являлись соответственно двуглавый и белый орлы. Такое сходство геральдики русская военная лирика 1830–1831 гг. предпочитала либо вовсе игнорировать («... И на развалинах Варшавы / Воссел уже Орел двуглавый» — Авраам Норов), либо, напротив, обыгрывать с солдатской прямоотой («... И белого Орла в гнезде его карая / Орла двуглавого на чад его спускал» — Федор Глинка); еще одна трансформация данного мотива — «двуглавый орел» терзает «хищного врана» (Иван Паршов). Хомяков же, прорицая воссоединение орлиной семьи под эгидой *старшего Северного* брата, скорее всего вторит популярным уже в то время декларациям раннего панславизма. Напомним хотя бы о двадцатом сонете из поэмы словацкого пастора Яна Коллара «Дочь Славы» (“*Slávy dcera*”, 1824), содержание которого — с опорой на французский перевод в “*Revue Britannique*” (1828. Т. 17) — следующим образом резюмировано в статье, появившейся в июне 1831 г. в московском журнале:

Исполнская дочь Славян, могущественная Россия, <...> когда соединишь ты в одну рукоять эти разметанные ветви одного корня, когда сольешь в один поток эти расплесканные волны одной крови? [Телескоп: 400–401; подробнее см.: Зайцева: 113–115].

ЛИТЕРАТУРА

- Зайцева: *Зайцева А. А.* Ян Коллар и русско-чешские литературные связи первой половины XIX века // Литература славянских народов. М., 1967. Вып. 8.
- Егоркин, Шляпкин: *Егоркин А. И., Шляпкин И. А.* Литературные дела Цензурного комитета // Пушкин и его современники: Материалы и сообщения. Пг., 1918. Вып. XXIX–XXX.
- Пушкин. Письма: *Пушкин. Письма*. Л., 1935. Т. III.
- РА: Русский архив.

- РПЛ: Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел первый. Стихотворения. Ч. 1 / С предисловием Н. Огарева. Лондон, 1861.
- РПН: Россия под надзором: Отчеты III Отделения, 1827–1869. М., 2006.
- Телескоп: Телескоп. 1831. № 11.
- Хомяков 1861: Стихотворения А. С. Хомякова. М., 1861.
- Хомяков 1969: *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969.
- Шильдер: *Шильдер Н. К.* Император Николай I: Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. II.
- Lednicki: *Lednicki W.* Puchkine et Pologne: A propos de la trilogie antipolonaise de Pouchkine. Paris, 1928.